

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

В качестве вступления к этому сборнику давайте начнем с самого начала.

Я отчетливо помню наставления моей учительницы английского языка в девятом классе. Расхаживая взад-вперед у классной доски, она очертила круг умений, необходимых для того, чтобы стать хорошим писателем, включая сравнение различных методов повествования.

Она объяснила, что у автора-романиста имеется широкий спектр практически бесконечного числа слов, которыми можно рассказать историю. У романиста есть бесконечное число страниц для построения сюжета, раскрытия внутреннего мира персонажей, для подведения истории к пресловутому «темнейшему часу» и завершения романа убедительной концовкой. У него более чем достаточно пространства для второстепенных сюжетных линий, ответвлений и блужданий по темным лабиринтам, прежде чем снова вернуться к главной линии повествования.

Но это не работает, когда речь идет о создании коротких рассказов.

Она рассказала, как отведенное автору пространство становится все более тесным. Чтобы

преуспеть на этом поприще, писатель вынужден более тщательно подбирать слова, сокращать повествование до самых основных моментов, но в то же время уметь произвести необходимый эффект. Чтобы достичь этой цели — и сделать это хорошо, — требуется гораздо большие усилия и таланта, нежели нужно почти ничем не скованному романисту.

Но даже на этом лекция моей преподавательницы не закончилась. Самую пугающую задачу она прибегла напоследок: написание стихов. Здесь экономия слов еще более жесткая. Каждый слог должен быть тщательно выверен, ритм и рифма измерены, взвешены и оценены, каждое слово обязано выполнять множество задач. Что, конечно же, по плечу только истинному гению, неподражаемому мастеру.

Я принял ее слова слишком близко к сердцу.

И поэтому стал романистом.

В начале моей литературной карьеры я прекрасно понимал, что, когда дело касается слов и рассказов, мне не свойственна монашеская бережливость. Я обо-жал читать крутые авантюрные романы, и если они были частью серии, тем большее удовольствие я получал. Неизбежно, когда дело дошло до сочинения моих собственных первых рассказов, я, разумеется, не собирался ограничивать себя в количестве слов и страниц, чтобы поведать свою историю.

Увы, после того как я написал с полдюжины романов, кто-то попросил меня написать короткий рассказ.

Я сопротивлялся.

Я упирался, придумывал оправдания, отворачивался, игнорировал подобные просьбы.

Если вы держите в руках эту книгу, значит, вам понятно: в конечном итоге я сдался. Первый рассказ, который я написал, — это «Влюбленный Ковальски». Он увидел свет в первой международной антологии «Триллер», редактором которой был Джеймс Паттерсон. Я согласился написать этот рассказ по одной-единственной причине — на меня надавили собратья по перу. Я состоял в Международной ассоциации авторов триллеров. Разве я мог отказаться? Идея этой антологии заключалась в том, что каждый автор предоставит рассказ про одного из персонажей из своего романа.

К тому времени я по уши увяз в написании серии книг про отряд «Сигма». Я писал о разномастной команде бывших солдат спецназа, которые по разным причинам покинули военную службу, однако из-за своих уникальных талантов и навыков были тайно завербованы УППОНИР — Управлением перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ при Министерстве обороны США, — чтобы действовать в качестве полевых агентов в тайных заданиях. На тот момент герой этого рассказа, Джозеф Ковальски, уже был членом отряда «Сигма», но писал я о нем не впервые. Он появился в более раннем романе, «Айсберг», и мне нравилось писать об этом бывшем моряке. Не скажу, чтобы он обладал большим умом, но он был по-своему талантлив — поэтому я завербовал его в отряд «Сигма». Однако никогда не рассказывал, каким именно образом он попал в этот элитный отряд. Поэтому, уступив давлению собратьев-писателей, я воспользовался возможностью в конечном итоге расска-

зять историю о том, как Ковальски стал членом «Сигмы».

Это — «Влюбленный Ковальски».

Сочиняя эту историю, я как будто слышал, как учительница английского из моего девятого класса шепчет мне на ухо. Я потел над каждым словом, сокращая историю, насколько это возможно. И хотя это было чертовски трудно, я понял: в таких произведениях есть свои плюсы. Они позволяли мне исследовать уголки и задворки моих более крупных литературных трудов, те участки, в которые я побаивался сунуть нос даже на обширном пространстве романа.

Поэтому — добро пожаловать в эти тайные углы и закоулки. Я даю вам абсолютный доступ на задворки моего литературного творчества. На протяжении этого сборника я буду время от времени высказываться к вам, выступая в роли проводника, рассказывая, как эти истории появились на свет — и почему.

И все же, прежде чем мы начнем, спешу сообщить вам, что я не забыл мудрость моей учительницы по английскому языку и наставления, полученные от нее в десятом классе. Усвоив ее урок, я даю вам самое искреннее обещание. Я даже готов напечатать его.

Я никогда не буду писать стихи.

ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

ВЛЮБЛЕННЫЙ КОВАЛЬСКИ

В нем не было ничего особенного... хотя он и висел вверх ногами в кабаньем капкане-сетке. Курносый, грязные, подстриженные под машинку волосы,

гора мышц, рост шесть футов; он висел голый, за исключением мокрых серых трусов-«боксеров». Его грудь была исполосована старыми шрамами, которые дополняла длинная зазубренная кровавая царапина — от ключицы до паха. Глаза горели диким, безумным огнем.

На что имелась своя причина.

Пару минут назад, на соседнем пляже, отстегивая парашют, доктор Шэй Розауро услышала в джунглях истошные вопли и поспешила проверить, что, собственно, происходит. Двигаясь крадучись, ступая неслышно, она подошла ближе — и с расстояния, прячась в тени среди пышной листвы, выглянула из зарослей.

— Отвали, лохматый засранец!

Мужчина не прекращал чертыхаться. В его бесконечном потоке ругательств угадывался акцент уроженца Бронкса. Явно американец. Как и она сама.

Розауро посмотрела на часы.

8:33 утра.

Через двадцать семь минут этот остров взлетит в воздух.

Но этот незнакомец умрет еще раньше.

Куда большая угроза исходила от других обитателей острова, которых привлекли крики незнакомца. Средний гамадрил весил более сотни фунтов, причем большая часть его веса приходилась на мускулы и зубы. Обычно эти обезьяны обитают в Африке. Они никогда не водились на заросшем джунглями острове неподалеку от бразильского побережья. Желтые ошейники с радиопередатчиками указывали на то, что эта стая некогда была предметом изучения

профессора Салазара. Тот привез обезьян на этот отдаленный остров в научных целях. *Mandrillus sphinx* также считались *frugivorous*, что означает, что их рацион состоит из фруктов и орехов.

Но не всегда.

При известных обстоятельствах они становились хищниками.

Один из бабуинов ходил вокруг попавшего в ловушку человека. Самец. Его мех был угольно-черного цвета, а по обеим сторонам широкой красной морды виднелись синие полосы. Такой окрас означал, что он — доминантный самец в своей стае. Самки и подчиненные самцы, более скромного коричневого окраса, сидели либо висели на соседних ветках. Один такой бабуин зевнул, продемонстрировав трехдюймовые клыки и полную острых резцов пасть.

Самец понюхал пленника. В сторону любопытного бабуина тотчас устремился увесистый кулак, но не достиг цели и лишь просвистел в воздухе.

Бабуин поднялся на задние лапы и зарычал, обнажив весь ряд острых желтых клыков. Жуткое, впечатляющее зрелище. Остальные бабуины придвинулись поближе.

Шэй шагнула на поляну, чем привлекла к себе внимание обезьян. Она подняла руку и нажала кнопку на звуковом устройстве, известном как «крикун». Прибор пронзительно взвыл, произведя желаемый эффект.

Бабуины бросились в лес. Их вожак подпрыгнул, ухватился за низкую ветку и скрылся под густым пологом джунглей.

Мужчина, все еще крутясь вверх ногами на веревке, заметил ее.

— Эй! Как насчет того...

Но Шэй уже взяла в другую руку мачете. Запрыгнув на каменную глыбу, она одним ударом острого лезвия перерубила пеньковую веревку.

Мужчина упал, глухо ударившись о мягкий суглинок, и перекатился на бок. Не переставая чертыхаться, он пытался высвободить лодыжку из петли. Наконец ему удалось избавиться от завязанной узлами веревки.

— Чертовы макаки!

— Бабуины, — уточнила Шэй.

— Что?

— Это бабуины. У них короткие хвосты.

— Ладно, какая разница... Главное, что у них чертовски огромные зубы.

Мужчина поднялся на ноги и отряхнул колени. Шэй заметила на его правом бицепсе татуировку в виде якоря, какую обычно делали на флоте США. Бывший военный моряк? Возможно, он тут будет весьма кстати... Шэй посмотрела на часы. 8:55 утра.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Моя лодка потерпела крушение, — ответил он, окинув оценивающим взглядом ее подтянутую фигуру.

Подобное внимание со стороны самцов ее биологического вида не было для нее новинкой... даже сейчас, когда на ней был затрапезный камуфляжный костюм и грубые ботинки. Длинные темные волосы были перевязаны черной банданой, а кожа в тропическом зное блестела цветом черного кофе.

Перехватив ее взгляд, мужчина показал глазами на берег.

— Я приплыл сюда, после того как моя лодка затонула.

— Ваша лодка затонула?

— Точнее, взорвалась.

Женщина в упор посмотрела на него, ожидая дальнейших объяснений.

— Произошла утечка газа. Я уронил сигару, и...

Она оборвала его взмахом мачете. Через полчаса ее должны забрать на северном полуострове. Согласно графику, она должна добраться до лаборатории, взломать сейф и забрать ампулы с антидотом. Заметив тропу, Розауро зашагала в глубь джунглей. Мужчина увязался следом за ней, медленно ковыляя позади.

— Эй! Куда мы идем?

Шэй достала из рюкзака сложенный в несколько раз дождевик и передала ему. Не замедляя шага, он кое-как натянул его на себя.

— Меня зовут Ковальски. — Надев дождевик задом наперед, теперь он пытался его перевернуть. — У вас есть лодка? Чтобы как-то убраться с этого проклятого острова.

У нее не было времени на светские беседы.

— Через двадцать три минуты бразильский флот взорвет этот атолл.

— Что? — Он бросил взгляд на свое запястье. Часов у него не оказалось.

— Эвакуация назначена на восемь пятьдесят пять на северном полуострове, — продолжила она. — Но сначала мне нужно кое-что забрать отсюда.

— Погодите. Что вы сказали чуть раньше? Кто собирается взорвать этот гребаный остров?

— Бразильский флот. Через двадцать три минуты.

— Ну конечно... — Ковальски покачал головой. — Из всех этих гребаных островов я приземлил свою задницу именно на тот, который вот-вот взорвется...

Шэй пропустила мимо ушей его гневную речь. Но, по крайней мере, он продолжал идти следом. И на том спасибо. Он либо очень храбрый, либо очень тупой.

— Ой, гляньте-ка... манго! — Ковальски потянулся за желтым плодом.

— Не трогайте его!

— Но у меня во рту даже маковой росинки не было с самого...

— Вся растительность на этом острове была опрыскана трансгенным рабдовирусом.

Он опустил руку.

— При попадании в желудочно-кишечный тракт этот вирус стимулирует сенсорные центры мозга, обостряя все чувства жертвы. Зрение, слух, обоняние, вкус и осязание.

— И что в этом такого?

— Этот процесс также поражает ретикулярный аппарат коры головного мозга, вызывая приступы маниакальной ярости.

В джунглях у них за спиной раздался душераздирающий вопль. В ответ с другой стороны донеслись фыркание и вой.

— Макаки?

— Бабуины. Да, они, несомненно, заражены. Подопытные особи.

— Просто великолепно. Остров бешеных бабуинов...

Не обращая внимания на его слова, Шэй указала на гасиенду на вершине следующего холма, белевшую сквозь листву.

— Нам нужно добраться вон туда.

Здание под черепичной крышей профессор Салазар арендовал для научных исследований, которые спонсировала некая теневая организация, состоявшая из сети террористических ячеек. Здесь, на почти безлюдном уединенном острове, он проводил финальные стадии испытаний нового биологического оружия. Но два дня назад отряд «Сигма» — тайная научная команда США, специализирующаяся на мировых угрозах — схватила доктора в самом сердце бразильского тропического леса. Правда, перед этим он успел заразить целую индейскую деревню возле Манауса, включая международный детский госпиталь.

Заболевание уже было на ранних стадиях и потребовало немедленного введения карантина в деревне. Последнюю задачу возложили на бразильскую армию. Единственная надежда вылечить больных — забрать антитод профессора Салазара, запертый в его сейфе.

Или, по крайней мере, пробирки *могут* быть там. Салазар заявил, что уничтожил весь запас.

После этого заявления бразильское правительство решило не рисковать. Тем более что с наступлением сумерек ожидался шторм с ураганным ветром. Власти опасались, что ураган перенесет вирус с острова на тропический лес на материке. Чтобы инфицировать весь экваториальный лес, будет достаточно лишь од-

ного зараженного листа. Таким образом, план сводился к тому, что маленький остров следует разбомбить и выжечь всю растительность. Бомбардировка была назначена на девять часов утра. Правительство не удалось убедить в том, что даже минимальная возможность найти антидот стоит риска отсрочки операции. В его план входило полное уничтожение острова, в том числе и бразильскую деревню. Допустимые потери.

Шэй представила себе своего партнера Мануэля Гаррисона, и в ней поднялась волна злости.

Мануэль пытался эвакуировать детскую больницу, но попал в ловушку и впоследствии заразился. Вместе со всеми детьми.

Допустимые потери были выше ее понимания.

По крайней мере, сегодня.

И вот теперь Шэй проводила свою собственную «сольную» операцию. Она прыгнула с парашютом и, находясь в свободном падении, сообщила по радио свои планы.

Командование «Сигмы» согласилось прислать на северную часть острова вертолет для срочной эвакуации. Он приземлится всего на одну минуту. За это время она должна успеть сесть в него... или погибнуть.

Шансы ее вполне устраивали. Но теперь она была не одна.

Гора мышц громко топала позади нее. Свистела.
Он свистел.

Шэй повернулась к нему.

— Мистер Ковальски, вы помните мои слова о том, как этот вирус обостряет слух пораженных им